

В. Г. Белинский

**Вторая книжка
«Современника»**

Виссарион Григорьевич Белинский

**Вторая книжка
«Современника»**

Настоящая заметка примыкает к рецензии Белинского «Несколько слов о «Современнике». Разочарование в «Современнике» было характерно для московских друзей Белинского, сближавших петербургский журнал с «Московским наблюдателем».

Содержание

#1	0005
Примечания	0018

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Вторая книжка
«Современника»**

Радушно и искренно приветствовали мы первую книжку «Современника»; но это было сделано нами не столько по убеждению, сколько по увлечению. Вопреки заклтым односторонним фактистам, мы всегда почитали суждение *a priori* не только возможным, но даже более верным и безошибочным, чем суждение *a posteriori*[1], и наши заключения, выведенные из чистого разума, всегда оправдывались и подтверждались опытом{1}, по крайней мере в приложении их к явлениям нашей литературы. Скажите нам имя автора книги или издателя журнала, скажите, какого рода должна быть эта книга или этот журнал, и мы скажем вам, какова будет эта книга, каков будет этот журнал, скажем безошибочно, до их появления на свет, Вследствие такого умозрительного взгляда на явления литературного мира, для нас было достаточно имени Пушкина как издателя, чтобы предсказать, что «Современник» не будет иметь никакого достоинства и не получит ни малейшего успеха. Мы этим нимало не думаем оскорблять нашего великого поэта: кому не известно, что можно писать превосходные

стихи и в то же время быть неудачным журналистом? Всеобъемлемость таланта и его направлений есть исключение: Гете, в этом случае, может быть пример единственный. Пусть нам скажут, хоть в шутку, что Пушкин написал превосходную поэму, трагедию, превосходный роман, мы поверим этому, по крайней мере не почтем подобного известия за невозможное и несбыточное; но Пушкин-журналист это другое дело. Повторяем: мы в этом случае никогда не ошибаемся; мы знаем цену всех романов, которые напишут гг. Булгарин, Греч, Степанов, Масальский, Калашников; всех теорий словесности, которые издадутся гг. Плаксиным и Глаголевым, всех... но всего не перечтешь. Обращаемся к «Современнику». Его план, выход книжек, выбор статей – все это подало нам мало надежд; но, повторяем, мы приветствовали его радушно и искренно, не столько по убеждению, сколько по увлечению, причиною которого была статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг.». Резкий и благородный тон этой статьи, смелые и беспристрастные отзывы о наших журналах, верный взгляд на жур-

нальное дело – все это подало было нам надежду, что «Современник» будет ревностным поборником истины, искажаемой и попираемой ногами книжных спекулянтов, что его голос неутомимо, громко и твердо будет раздаваться на журнальной арене, превращенной в рыночную площадь продажных похвал и браней, что он сшибет не с одной пустой головы незаслуженные лавры, что он оциплет не с одной литературной вороны накладные павлиньи перья, что он сорвет маску мнимой учености и мнимого таланта не с одного заезжего фигляра, с баронским гербом и татарским прозвищем, пускающего в глаза простодушной публике пыль поддельного патриотизма и лакейского остроумия. Тем приятнее было нам надеяться всего этого от «Современника», что теперь, именно теперь, наша литература особенно нуждается в таком журнале; и мы думали, что если бы сам Пушкин и не принимал в своем журнале слишком деятельного участия, предоставив его избранным и надежным сотрудникам, то одного его имени, столь знаменитого, столь народного, так сладко отзывающегося в душе русских, одного

имени Пушкина достаточно будет для приобретения новому журналу огромного кредита со стороны публики; а кредит публики дело великое: с ним много хорошего может сделать талант, соединенный с любовью к истине и ревностью к благу общему.

Итак, мы решились ждать второй книжки «Современника», чтоб высказать положительнее наше о нем мнение. И вот мм наконец дождались этой второй книжки – и что ж? – Да ничего!.. Ровно, ровнехонько ничего!.. Статья «О движении журнальной литературы» была хороша,

А моря не зажгла!.. {2}

Этого мало: убив все наши журналы, она убила и свой собственный. В «Современнике» участия Пушкина нет решительно никакого. Теперь к нему самому идет шутка, сказанная им же или его сотрудником насчет г. Андросова: ««Современник» сам похож на те ученые общества, где члены ничего не делают и даже не бывают в присутствии, между тем как президент является каждый день, садится в свои кресла и велит записывать протокол своего

уединенного заседания»{3}. Впрочем, это все бы ничего: остается еще дух и направление журнала. Но, увы! вторая книжка вполне обнаружила этот дух, это направление; она показала явно, что «Современник» есть журнал «светский», что это петербургский «Наблюдатель». В одном петербургском журнале было недавно сказано, что «Современник» есть вторая или третья попытка (так же неудачная, как и прежние, прибавим мы от себя) какой-то аристократической партии, которая силится основать для себя складочное место своих мнений. Мы не знаем и не хотим знать ни об аристократических, ни о каких других партиях; но нам известно, что в нашей литературе есть точно какой-то «светский» круг литераторов, который не находит нигде приюта для сбыта своих мнений, которых никому не нужно и даром, заводит журналы, чтоб толковать о себе и о «светскости» в литературе; и, по нашему счету, «Современник» есть уже *пятая* попытка в этом роде{4}. Мы уже несколько раз имели случай говорить, что в литературе необходимы талант, гений, творчество, изящество, ученость, а не «свет-

скость», которая только делает литературу мелкою, ничтожною, бессильною, и наконец совершенно ее губит; что литература есть средство для выражения мысли и чувства, данных нам богом, а не «светскости», которая очень хороша в гостиных и делах внешней жизни, но не в литературе. Да, мы это повторяли очень часто и очень смело, потому что, в этом случае, за нас стоят здравый смысл и общее мнение. Посмотрите, что такое жизнь всех наших «светских» журналов? Борение жизни с смертию в груди чахоточного. Что сказали нам нового об искусстве, о науке «светские» журналы? Ровно ничего. Публика остается холодною и равнодушною к этим жалким анахронизмам, силящимся воскресить осьмнадцатый век; она презрительно улыбается, когда в этих журналах с каким-то вдохновенным восторгом уверяют, что «человек, в сфере гостинной рожденный, в гостинной у себя дома: садится ли он в кресла? он садится, как в свои кресла; заговорит ли? он не боится проговориться»; что, напротив, «провинциал-выскочка(?) не смеет присесть иначе, как на кончике стула»{5}. Милостивые госуда-

ри, умеете садиться в кресла, будьте в гостиной, как у себя дома, – все это прекрасно, все это делает *вам* большую честь; видя, с каким искусством садитесь вы в кресла, с какою свободой любезничаете в гостиной, мы готовы рукоплескать вам: но какое отношение имеет все это к литературе? Ужели меньше садиться в кресла и свободно говорить в гостиной есть патент на талант литературный или поэтический? Ужели человек, умеющий непринужденно сесть в кресла и свободно пересыпать из пустого в порожнее, больше, нежели человек, робко садящийся на кончике стула, знает об искусстве, о науке, глубже симпатизирует с человечеством, тревожнее мучится вековыми вопросами о жизни, о вечности, о мире, о тайне бытия, сильнее страдает, усерднее молится, тверже верует, несомненное надеется, пламеннее любит, благороднее и бескорыстнее действует?.. Милостивые государи, к чему эти беспрестанные похвалы самим себе за знание «светскости», к чему эти беспрестанные уверения, что вы люди «светские»? Мы и так верим вам, склоняемся пред вашею «светскою» мудростию; вам и книги в руки; не ду-

майте, чтобы между вами и нами было что-нибудь вроде зависти, вроде *jalousie de metier* [2]... Но публике нужны не гувернеры, которые кричали бы ей: «Tenez-vous droit» [3], а поэты, а ученые, а литераторы, а критики, которые бы знакомили ее с высшими человеческими потребностями и наслаждениями, руководствовали бы ее на пути просвещения и эстетического, а не «светского» образования. Оглянитесь вокруг себя повнимательнее: вы увидите, что и между вами, людьми «светскими», людьми «высшего общества», есть люди, которым душна бальная атмосфера, ненавиден мишурный блеск гостиных, которые бегут от них, чтобы в тиши уединения предаться мирному занятию предметами человеческой мысли и чувства; есть люди, которые скучны в обществе, не любезны с дамами, для которых уже невозвратно кончился осьмнадцатый век, вместе

*Со славой красных каблуков
И величавых париков!.. {6}*

Не представляет ли чего замечательного содержание второй книжки «Современни-

ка»? – Из трех стихотворных пьес замечательны только две: «Урожай» г. Кольцова, довольно растянутая в целом, но местами блестящая искорками поэзии, да «Иоанн и Аристотель» барона Розена{7}, отрывок из драмы, складом, ладом и прелестию стихов напоминающий «Дейдамию» Тредьяковского. Не угодно ли полюбоваться хоть несколькими стихами?

*У нас цветут науки и искусства;
Художниками славится наш
край:
Италия – картинная палата,
Огромный певчий хор, изящный
строй
Разнообразных величественных зда-
ний,
И область стихотворства и люб-
ви.
Свою картину пишет живописец,
Певец свой голос гнет и сыплет в
дробь,
Обожествляет женщин стихотво-
рец,
Выводит ад, чистилище и рай;
А зодчий строит мост иль ста-
вит церковь,
Сдвигает колокольню...*

Таковыми-то ужасными виршами объясняется Аристотель с Иоанном III, который отвечает ему еще ужаснейшими! – Теперь о прозе. Здесь замечательна статья: «Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным». Если это мистификация, то признаемся, очень мастерская; если подлинные записки, то занимательные и увлекательные до невероятности {8}. Странно только, что в 1812 году могли писать таким хорошим языком, и кто же еще? женщина; впрочем, может быть, они поправлены автором в настоящее время. Как бы то ни было, мы очень желаем, чтоб эти интересные записки продолжались печататься. Критических и полемических статей пять. Между ними очень дельный, хотя и очень сухой, разбор книги «Статистическое описание Нахичеванской провинции» г. Золотицкого {9}. Но разборы «Ревизора» г. Гоголя и «Наполеона», поэмы Эдгара Кине, подписанные литерою В., должны совершенно уронить «Современника» {10}. Это разборы самые «светские», потому что, прочтя их, вы готовы сказать г. рецензенту, хотя заочно: «Милостивый государь! все, что вы говорили, очень прекрасно; но

позвольте вас спросить, о чем вы говорили и что хотели сказать?» Таков характер всех «светских» суждений об изящном; в них вообще заметно отсутствие логики. Впрочем, один «светский» журнал недавно очень откровенно признался, что в суждении логика только вредит и что поэтому он не хочет и знать ее; и так чего ж вы хотите?^{11} Вообще в этих статьях обнаруживается самая глубокая симпатия к московскому «светскому» журналу и беспредельной уважение к его критике, что, впрочем, и не удивительно: свой своему поневоле брат. Странно только, что при этом случае на «Телескоп» взведена небылица: сказано, будто бы какие-то издатели «Телескопа» восклицали: «Избави нас боже от критик «Наблюдателя!»»^{12} На это, во-первых, заметим, что есть издатели, например, «Сына отечества» и «Северной пчелы», имена которых и выставляются на обертке этих журналов; но у «Телескопа» был и есть только один издатель, имя которого должно быть известно г. В. Во-вторых, скажем, что не в «Телескопе», а в «Молве», были точно сказаны эти слова, но не о критиках «Наблюдателя», а о критиках кня-

зя Вяземского. Правду сказать, это почти одно и то же; но «Телескоп» отмахивался от них за публику, а совсем не за себя, потому что мы, участвующие мыслию и сердцем в «Телескопе», с своей стороны, напротив, «любим иногда почитать что-нибудь забавное»...{13}

Забавнее всего, что «светский» критик «Современника», соблазнившись мыслию Скриба[4], что в литературе всегда отражается прошедшее, а не настоящее состояние общества, так восхитился ею, что уцепился за нее обеими руками, теревит ее так и сяк и прилагает к стати и некстати к русской литературе{14}. Если поверить ему, то у нас потому только преследуют сатирую взяточничество, от Сумарокова до Гоголя, что это взяточничество было когда-то давно, только не теперь; что Ломоносов и Державин и вслед за ними тысячи других лириков потому только беспрепятственно воспевали победы, что их время было мирное, чуждое войн и побед... Словом, смех и горе... Библиография покуда отделяется одними звездочками, между тем как осталось только две книжки «Современника»{15}.

И это «Современник»? Что ж тут *современ-*

ного? Неужели стихи барона Розена и похвалы «светским» людям за то, что они умеют хорошо садиться в кресла и говорить в обществе свободно?.. И на таком-то журнале красуется имя Пушкина!..

Примечания

Вторая книжка «Современника» (с. 516–520). Впервые – «Молва», 1836, ч. XII, № 13, с. 3–12 (ц. р. 3 августа). Подпись: (В. Б.). Вошло в КСсБ, ч. II, с. 275–282.

Настоящая заметка примыкает к рецензии Белинского «Несколько слов о «Современнике» (см. наст. т., с. 489–494). Разочарование в «Современнике» было характерно для московских друзей Белинского, сблизивших петербургский журнал с «Московским наблюдателем». Станкевич в письме из Москвы от 22 октября 1836 года к М. Бакунину и Белинскому сообщал об остроте И. Ключникова, который «к названию Пушкина журнала «Современник» прибавил «Наблюдателю» (Станкевич, с. 620).

От Белинского П. Анненков вспоминал: «...Он не задумался назвать и «Современник» Пушкина, со второй его книжки, «петербургским «Московским наблюдателем» по направлению, заметив в нем (справедливо или нет, – это другой вопрос) поползновение ис-

кать себе читателей и судей в одном, исключительно светском круге. Помним, что эта полемика с «Современником» произвела в то время почти столько же шума и негодования, как и заметка его, несколько прежде сделанная и из другого круга представлений» (речь идет о статье «О русской повести и повестях г. Гоголя». – Анненков, с. 151).

Сноски

1

a priori – до опыта; *a posteriori* – после опыта
(лат.). – Ред.

[^^^]

2

зависти в профессии, мастерстве (франц.). –
Ред.

[^^^]

3

«Держитесь прямо» (франц.). – Ред.

[^^^]

4

Взятою из статьи, помещенной в начале этой же книжки «Современника».

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Намек на С. Шевырева, автора книги «История поэзии» (М., 1835), и на позицию журнала «Московский наблюдатель». См. об этом в прим. (в вводной заметке) к статье «Опыт системы нравственной философии...», а также в другом выступлении «Молвы»: «Голос общего мнения обвиняет «Московского наблюдателя» в отсутствии мысли и жизненного движения. Это обвинение не без основания: его можно доказать и a priori, то есть из чистого разума, столь ненавистного «Московскому наблюдателю», и a posteriori, то есть из близорукого опыта, столь любимого «Московским наблюдателем» («Признаки мыслительности и жизни в «Московском наблюдателе». – «Молва», 1836, № 10; подпись: «Молва»).

[^^^]

2

Из басни И. Крылова «Синица».

[^^^]

3

Это замечание было сделано Гоголем в статье «О движении журнальной литературы...» по поводу редактора «Московского наблюдателя» В. Андросова.

[^^^]

4

К светским изданиям, помимо «Московского наблюдателя» и «Современника», Белинский, скорее всего, относил «Литературную газету» (1831), альманах Дельвига «Северные цветы», а также, возможно, журнал «Московский вестник».

[^^^]

5

Белинский пересказывает суждение Вяземского из его статьи о «Ревизоре»: «Человек, в сфере гостиной рожденный, в гостиной – у себя, дома: садится ли он в кресла? он садится как в свои кресла...», и т. д. («Современник», 1836, т. II, с. 296). Необходимо отметить, что статья Вяземского, представлявшая собою один из первых серьезных разборов гоголевского «Ревизора», была в пылу полемики односторонне оценена Белинским. Ср. более позднюю оценку Н. Г. Чернышевского: «...князь Вяземский и г. Плетнев... очень вер-

но понимали произведения Гоголя. Все написанное ими о нем принадлежит к числу лучшего, что только было написано о Гоголе» (Чернышевский, т. III, с. 127).

[^^^]

6

«Евгений Онегин», гл. четвертая, строфа VII.

[^^^]

7

Произведение Розена называется «Иоанн III и Аристотель (из трагедии: Дочь Иоанна III)». Третья стихотворная пьеса, не названная Белинским, – «Драматическая сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке (отрывок)» Н. Языкова.

[^^^]

8

Автором записок была действительно Н. Дурова, участница войны 1812 г. Пушкин сопроводил записки Дуровой своим предисловием.

[^^^]

9

Автор статьи «Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленная В. Г....» – В. Золотницкий (а не Золотицкий).

[^^^]

10

Речь идет о статьях Вяземского: «Ревизор, комедия, соч. Н. Гоголя...»; «Наполеон и Юлий Цезарь»; «Новая поэма Э. Кине: «Napoleon, poëte par Edgar Quinet». Paris, 1836.

[^^^]

11

Речь идет о позиции «Московского наблюдателя» в связи с полемикой вокруг книги С. Шевырева «История поэзии» (М., 1835). См. об этом в прим. (вступительной заметке) к статье «Опыт системы нравственной философии...».

[^^^]

12

Вяземский в примечании к своей статье о «Ревизоре», говоря о «Московском наблюдателе», заметил: «...издатели «Телескопа» и другие могут в добродушном и откровенном испуге воскликнуть: избавь нас боже от его критик!» («Современник», 1836, т. II, с. 289–290).

[^^^]

13

Неточная цитата из «Ревизора», д. II, явл. VIII, реплика Хлестакова (в первом издании, СПб., 1836 – «иногда что-нибудь хочется сделать, почитать, или так придет фантазия сочинить что-нибудь...»).

[^^^]

В анонимной статье Пушкина «Французская Академия» («Современник», 1836, т. II) сообщалось об избрании Скриба в академики и приводилась произнесенная им по этому поводу речь. Скриб, в частности, утверждал, что «театр весьма редко бывает выражением современного общества», «он часто выражает противоположное», что комедия «описывает редкие исключения и минутные странности», показывая «только уголок общества» (в этом смысле Скриб противопоставлял театральные произведения песне, которая говорит о современности всю правду). С мыслью Скриба о том, что в театре отражается прошедшее, перекликается следующее место из статьи В. Одоевского «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе»: «В старой Европе ужасы конца XVIII столетия отозвались в нынешней литературе по той же причине, почему идиллическая и жеманная поэзия прежнего времени отозвалась в век терроризма... Ибо литература, вопреки общепринятому мнению, есть всегда выражение про-

шедшего...» (с. 211–212). Автором этой статьи, подписанной литерами С. в., Белинский мог счесть Вяземского, которому принадлежит большинство критических статей во II томе «Современника». Необходимо, однако, отметить, что Вяземскому вовсе не свойственно умаление жизненной актуальности и остроты русской «сатиры». Наоборот, в опубликованной в том же томе рецензии на «Ревизора» он решительно возражает против мнения, будто бы «комедия – ложь, клевета, несбыточный и недозволительный вымысел» (с. 300).

[^^^]

Во втором томе «Современника» под рубрикой «Новые русские книги, вышедшие с апреля месяца 1836 года», не было помещено ни одной рецензии; даны лишь краткие библиографические аннотации, четыре из которых помечены звездочками (о значении звездочек – см. прим. 3 к рецензии «Несколько слов о «Современнике»).

[^^^]

[^^^]